

Люба-Любава

Помнить и жить

Каждый из нас предан. Кому-то или кем-то.
Фёдор Достоевский, русский писатель

Люба подходила к перрону, когда из-за сосен навстречу ей выскочил товарняк и, отсалютовав гудком выбежавшей на крыльцо дежурной и всей станции Бирюсинка, не снижая скорости, помчался по откосу к железнодорожному мосту и дальше — через Бирюсу на запад.

Дежурная по станции Нина Васильева приветливо помачала Любе. Нина, сестра Любиного одноклассника Генки Васильева, была младше Любы лет на десять.

«Да, наверное, на десять... — подумала Люба. — Мы закончили в тот год школу, а она пошла в первый класс... А когда я пошла в первый класс, она ещё и не родилась...»

Люба улыбнулась, вспомнив девочку в школьной форме, с двумя косичками, в белом фартуке и с большим букетом георгинов.

Как будто только вчера она, семилетняя Люба — Любава Рюрик, пошла в первый класс.

«Да мне тогда и семи не было даже! Первого сентября точно не было. Семь исполнилось, когда две недели сентября уже прошли...»

Не будь её отец школьным учителем, сидеть ей ещё целый год дома с бабушкой и дедом.

В первый класс в тот год в Бирюсинке, как никогда, записалось много детей, и директор сказала отцу, что в районо ей рекомендовали не брать в школу ребятишек, которым на первое сентября не исполнилось семи лет. Такие в Бирюсинке были. Несколько ребят, родившихся с Любой в один год, были младше её на месяц-два, и в другое время, когда случался у первоклашек недобор (а это бывало нередко), в класс зачисляли шестилеток, дни рождения которых были в ноябре и даже декабре. Но не в тот 1971 год. Тогда даже тех, кто родился в октябре, в первый класс не записывали. А Любе не хватало до семилетия всего двух недель. Она помнила, как говорил отец бабушке, что это будет несправедливо, если из-за каких-то четырнадцати дней дочери придётся «отложить свидание с учебниками и партой на целый год». Он так и говорил, как вспоминала бабушка: «отложить свидание», — и, видимо, замолвил своё слово в районо или ещё где, и Любу в первый класс зачислили. И не только её. Ещё и Генку Васильева, день рождения которого выпадал на двадцатые числа сентября.

И она пошла в школу в первый день осени 1971 года. Последний год, последнюю осень, последнюю зиму отец был с ними. Он тогда проводил их — Любу, маму, бабушку — до станции, поцеловал маму и побежал на электричку: у него был свой класс, своя школа в Городке — Городке на Бирюсе. А Люба пошла с большим букетом, в сопровождении мамы и бабушки, в свою школу — в Бирюсинке.

«Первый раз в первый класс!» — улыбнулась Люба, вспомнив и представив себя первоклассницей.

Тридцать шесть ребятишек набрали в том году в первый класс начальной школы станции Бирюсинка, и тридцать шесть пышных букетов от первоклашек и их родителей достались их первой учительнице Наталье Степановне.

Наталья Степановна...

Она приехала в Бирюсинку после окончания Тулунского педагогического училища как раз в тот год, когда Люба пошла в школу. Сколько ей было тогда лет? Девятнадцать? Двадцать?

Небольшого роста, плотная, симпатичная светловолосая девушка, с толстой косой, курносый носиком. Тёмный, в чуть видимую полоску, пиджачок и такая же юбка ниже колен, как казалось Любе, придавали учительнице строгий вид. И учительница старалась держаться строго со своими первыми учениками и их родителями. Рассаживала всех лично по партам и по рядам, говорила о дисциплине: что опаздывать на уроки

никому нельзя, что все должны иметь тетрадки и не забывать дома ручки и чернила (Люба ещё застала в своей школе ручки со сменными перьями и чернила-непроливашки). Наталья Степановна, обращаясь к родителям, советовала им находить время и всегда проверять, как их дети выполняют домашние задания и все ли уроки учат. Она говорила это в присутствии директора, завуча и других учителей школы. Чётко и громко произносила слова, а потом вдруг неожиданно замолчала, и в светлом от солнечного утра классе на три окна, при большом скоплении народа, повисла минутная тишина.

Ситуацию под контроль взял тогда один из родителей — мастер сплавконторы Левчук. Он захлопал в ладоши, поднял на руки свою дочь Марину, и они первыми вручили молодой учительнице большой букет из красных и белых цветов. За ними понесли цветы остальные родители и ученики. Взрослые и дети, окружив маленькую учительницу, вручали ей цветы, говорили напутственные слова и пожелания. Цветов было много, учительница не могла удержать в руках все букеты, и их стали складывать на стол. Наталья Степановна сначала смущённо улыбалась, а потом не выдержала и заплакала от обилия цветов и внимания. Из строгой учительницы на глазах у Любы она превратилась в обычную девушку с цветами, похожую на старшую сестру, и Любе-Любаве захотелось назвать её просто Наташей. Люба до этого часто представляла знакомых ей старших девочек в роли своей старшей сестры, а в день первого сентября 1971 года подумала, что её старшая сестра, будь она у неё, должна быть именно такой, как Наталья Степановна — Наташа.

Все четыре года учёбы Любы в начальной школе Наталья Степановна была с ними. Учила писать, читать, рисовать, лепить из пластилина и вырезать из бумаги фигурки, делать своими руками подарки родителям.

Иногда Наталья Степановна останавливала урок, ученики поднимали вверх руки и, сжимая-разжимая пальцы, хором повторяли за учительницей:

Мы писали, мы писали —
Наши пальчики устали.
Мы немножко отдохнём
И опять писать начнём!

Это упражнение было похоже на игру и нравилось всем. И всем нравилось, что учительница с ними играет, и, наверное,

не одна Люба в такие минуты сравнивала Наталью Степановну со старшей сестрой.

А Наталья Степановна не разочаровывала их: организовывала утренники перед каникулами, в мае водила в лес — смотреть на птиц, белочек, бурундучков, рассказывала о цветах и травах. Зимой, в хорошую погоду, вместе со своими ребяташками учительница строила во дворе школы снежную горку и каталась с ними с этой горки на санках. А ещё она учила своих первых учеников любить стихи и декламировать их «с чувством и выражением». И Люба-Любава, и Марина Левчук, и Генка Васильев, и Света с Тамарой, с которыми Люба подружилась в классе больше, чем с кем-то, читали стихи так, как учила их Наталья Степановна, и получали призы за декламацию на общешкольных мероприятиях и даже на поселковых — в клубе сплавоконторы, куда приглашали школьников в канун Первого мая и Нового года.

Но однажды было и такое: Наталья Степановна чуть не уехала от них и даже написала заявление об уходе. Случилось это на третий год её работы в школе, когда к ней приехал отслуживший на Тихоокеанском флоте старшина первой статьи по имени Александр. Парень в военной форме пришёл в школу убедить директора отпустить его Наталью с ним в город Тулун, где он собирался жить и работать. И директор, сама ещё молодая женщина, не так давно вышедшая замуж, согласилась было и подписала заявление об увольнении учительницы начальных классов. Об этом тут же узнали родители учеников. Срочно был создан родительский комитет во главе с мастером сплавной конторы Левчуком. Весь комитет, в составе восьми родителей, среди которых была и мама Любы, в тот же день явился в школу с настоятельной просьбой: не отпускать и удерживать любыми способами в школе молодую учительницу. В кабинет директора комитетчики пригласили Наталью Степановну, её жениха-моряка и после полуторачасового разговора убедили всех. В результате заявление об увольнении учительницы порвали, Наталья Степановна согласилась работать в школе дальше, а уволенный в запас моряк Александр был приглашён мастером Левчуком на работу в сплавную контору.

На другой день Александр уехал в свой Тулун один, но через две недели вернулся с чемоданом и рюкзаком к своей Наталье, как в своё время приехал отец Любы Святослав Игоревич к её матери Катерине Петровне, чтобы остаться жить в Бирюсинке.

А ещё через месяц работник сплавной конторы Саша и учительница начальных классов Наташа расписались в районном

загсе, и это событие отметили торжественно в клубе сплавконторы все учителя и сплавщики, жившие в Бирюсинке.

Свадьбу подгадали ко времени зимних каникул. Субботний январский день выдался погожим, и все ученики третьего класса школы станции Бирюсинка пришли к клубу сплавконторы, чтобы посмотреть на свою учительницу-невесту. Наталья Степановна, в белой фате и длинном белом платье, вышла из свадебных «Жигулей» и, увидев своих учеников, сначала смутилась, но потом помахала им приветливо. Ученики её класса стояли, молча улыбаясь, на пригорке перед клубом. Люба тогда не растерялась: подбежала к учительнице и протянула ей свой давно приготовленный подарок — склеенный из бумаги домик с окнами на три стороны, крылечком и трубой, покрашенной в красный цвет.

Наталья Степановна приняла из её рук домик, улыбнулась и сказала:

— Спасибо, Любавочка.

К ним подошёл жених Саша в чёрном с отливом костюме и обнял невесту за плечо.

— А вот мои ученики,— кивнув в сторону стоявших ребяташек, сказала ему учительница.— А это Любавочка Рюрик нам подарила домик, чтобы у нас свой такой же был.

Наталья Степановна поставила домик на ладонь и показала Александру.

— Будет! — сказал Саша уверенно невесте и, наклонившись к Любе, поблагодарил: — Спасибо, Любава.

Из «Жигулей» выскочил и подбежал к молодым мастер сплавной конторы Левчук, возивший новобрачных в райцентр на своей автомашине.

— Ребята, скорее в клуб! Пойдёмте, пойдёмте! Замёрзнете раздетые на морозе. Не май месяц на дворе...— заговорил он быстро и увлёк молодых за собой.

Молодые, а следом все гости пошли в клуб. Ученики стали расходиться. Девочки обсуждали платье учительницы, мальчики, казалось, уже забыв о событии, собирались идти на лёд — играть в хоккей, а Люба осталась стоять возле клуба. Она радовалась счастью своей учительницы, радовалась её свадебному платью, фате, тому, что у Натальи Степановны такой красивый муж Саша, и тому, что Саша сказал ей спасибо и улыбнулся.

Любе очень хотелось в тот день, чтобы Наталья Степановна была действительно её сестрой, и она, Люба-Любава, тогда

смогла бы быть на её свадьбе, кричать со всеми «Горько!» и смотреть, как Наташа и Саша будут целоваться.

А Сашу она представила было своим братом, но потом подумала, что брат не смог бы жениться на сестре, если Наташа была бы её сестрой, а Саша братом. И тогда ей захотелось скорее стать взрослой, обязательно учительницей и чтобы к ней тоже приехал такой вот парень, как Саша, моряк Тихоокеанского флота.

Люба ещё несколько раз за время учёбы в начальных классах представляла Наталью Степановну старшей сестрой. Их учительница после замужества так же ходила с ними на экскурсии в лес и каталась с горки, возила их на районные конкурсы чтецов и на городские новогодние ёлки в Городок на Бирюсе и в Тайшетград. Но новые обязанности по дому, забота о муже, конечно же, занимали теперь немало места в её жизни. Она уже не задерживалась в школе после уроков, всё реже оставляла отстающих учеников на дополнительные занятия — торопилась домой. Иногда к концу последнего урока за Натальей Степановной приходил или приезжал на мотоцикле «Минск» муж Александр. Когда учительница выбегала к нему, ученики её класса как по команде занимали места у окон. Многим из младшеклассников было интересно: станут ли молодые целоваться при встрече? Особенно это интересовало девчонок. И Любу тоже. Молодые поначалу, не подозревая ничего, целовались на глазах всего класса, а может быть, даже целой школы, прямо у крыльца учебного заведения. Но это длилось недолго. Любопытство было ими замечено, и встречи после уроков учительницы с мужем возле школьного крыльца стали сдержаннее. Когда муж приходил пешком, он брал вышедшую ему навстречу жену за руку, и они уходили, не оборачиваясь. Если приезжал на мотоцикле, то учительница надевала каску, садилась позади мужа, и они сразу же уезжали.

Первый год учительница с мужем жили рядом со школой — в «учительском доме», как называли малосемейное общежитие на четыре комнаты с отдельным входом в каждую; но примерно через год совместной жизни они перебрались в собственный дом, который Александр выстроил с бригадой строителей из сплавконторы. Новый дом на самой окраине станции, у реки, был в чём-то похож на тот бумажный домик, что подарила учительнице Люба: с окнами на три стороны, высоким крылечком и трубой из красного кирпича. Все в школе ждали, что скоро в новой семье появится пополнение, и строители

соорудили в доме, помимо кухни, две комнаты, но ни через год, ни через два, ни через три дети у Саши и Наташи не появились.

Работа сплавщиком Александру пришлось по душе. Он быстро вошёл в курс дела и уже во второй свой сезон выходил на смену старшим, подменяя бригадира. Молодым кадрам в Бирюсинской сплавконторе давали возможность с пользой для производства реализовать свои способности, и Александр по совету Левчука поступил заочно в институт. Дважды в год уезжал он в Красноярск на сессии, возвращаясь оттуда с подарками для Натальи. Несколько раз в Красноярск с мужем ездила и учительница. Но ненадолго. До начала сессии денёк-другой Наташа с Сашей гуляли по улицам и скверам города, по набережной Енисея, ходили в театр. А потом Александр провожал жену на поезд, сам оставаясь сдавать в институте зачёты и экзамены.

И летом 1978 года, когда Саша уезжал на сессию, Наташа собиралась было с ним, но муж отговорил, сказав, что нынче ему нужно сдать много зачётов и будет не до прогулок. Наташа обратила тогда внимание на то, что Саша взял с собою некоторые вещи, которые не брал раньше, в том числе тёплую одежду.

— Пригодится. Мне не тяжело,— сказал он ей, когда она спросила его об этом.— А не пригодится — обратно привезу.

Они простились у вагона стоявшего всего минуту в Бирюсинке поезда. Александр на прощание поцеловал жену не как обычно в губы, а в лоб. Наташа объяснила это спешкой и не придала значения. Заволновалась она примерно через неделю.

Обычно на третий или четвёртый день после отъезда Саши он вызывал её на переговоры, и Наташа в назначенное время шла на почту или в учительскую школы, где был телефон.

В тот раз привычного для неё сообщения от мужа не было ни на третий, ни на четвёртый, ни на седьмой день. И Наташа забеспокоилась и решила, что ей самой нужно ехать в Красноярск.

Она собралась вечерним поездом в субботу, с таким расчётом, чтобы приехать рано утром.

«В воскресенье у Саши нет занятий. Он должен быть в общежитии. Я пройду от вокзала пешком. Это недалеко. Мы с ним не один раз так ходили. Минут сорок самое большее на дорогу затратчу с сумками...» — думала она, собираясь в дорогу.

Утром в субботу она покормила курей, пса-дворнягу Дружка, полила в огороде грядки с луком и редиской, парник с огурцами и присела на скамейку у палисадника, на которой они любили иногда сидеть с мужем. Со скамейки было видно место, где маленькая

речушка Бирюсинка впадает в большую реку Бирюсу. Вдали виден противоположный берег: там, за лесом и изгибом реки, был Городок на Бирюсе, куда уезжали учиться после окончания начальной школы в школу среднюю её ученики. Со скамейки у дома Наташи и Саши был виден и железнодорожный мост, по которому ходили пассажирские, почтовые и товарные поезда.

Как раз, когда Наташа присела на скамейку, по мосту промчался утренний поезд из Красноярска. Сбавляя скорость, он на минуту затормозил на станции Бирюсинка и поехал дальше — в Тайшетград, а оттуда на север — к Байкало-Амурской магистрали.

Поезд по этому же маршруту, но в обратном направлении, с минутной остановкой в Бирюсинке, должен пройти вечером. На нём всегда уезжал на сессии Саша, на нём и собиралась ехать сегодня Наташа.

Она присидела на скамеечке около получаса, думая о муже.

«Наверное, у Саши нет совсем времени даже на переговоры из-за экзаменов... Или, может, возникли какие-то неожиданные сложности, поэтому он и не позвонил. Может, деньги потерял? Наверное, не хотел меня расстраивать, не понимая, что молчанием своим, неизвестностью расстраивает ещё больше... Попрошу соседку покормить завтра утром Дружка и курей, а грядки полью уже сама, послезавтра, когда домой приеду».

Наташа поднялась, подошла к воротам дома, оглянувшись, посмотрела ещё раз в сторону железнодорожного моста и увидела второклассника Колю Скворцова, поднимающегося по тропинке к её дому. С ним шла незнакомая ей девушка.

— Здравствуйте, Наталья Степановна,— поздоровался Коля и кивнул на незнакомку.— Вот, вас спрашивают...

— Здравствуйте,— сказала девушка, подойдя к Наташе близко.— Я — Алла.

Девушка, возрастом примерно двадцати пяти лет, в синей вязаной кофточке, надетой поверх платья, с небольшой белой кожаной сумочкой в руке, явно смущалась.

— Здравствуйте, Алла,— сказала ей Наташа насторожённо, и вдруг тяжёлое предчувствие, словно упавшее сверху, сдавило ей грудь, перехватило дыхание.— Я вас... вас слушаю...

— Не знаю, с чего начать...— смутилась Алла.— Давайте присядем на скамейку.

— Давайте...

Наташа села на скамью, не зная, о чём ей думать.

— Я бы сама ни за что не поехала,— сказала Алла, присаживаясь рядом. В её словах чувствовалось волнение.— Но Александр меня так просил, так просил...

— Александр? — спросила Наташа, хотя уже чувствовала, что речь пойдёт о муже.— Саша вас просил? О чём? Что с ним?

— Вы не переживайте только...— сказала Алла и отвела глаза.— С ним всё в порядке.

— В по... в порядке? — спросила снова Наташа.— А где он? Почему не позвонил, не приехал? Он иногда приезжал домой по воскресным дням...

— Он попросил меня поехать сюда и сказать вам, что он больше не вернётся...

— Не ве... не вернётся? — тихо спросила Наташа.— Почему?

— Он решил больше не возвращаться в Бирюсинку! Он звонил в сплавконтору и берёт там расчёт! — быстро и громко проговорила Алла, глядя Наташе в глаза, а потом снова отвернулась.

— Не может быть...— ещё тише сказала Наташа.— Как он не вернётся? А где же он будет жить?

— В Красноярске,— сказала тоже на этот раз тихо Алла.— Он уже себе там работу нашёл...

— А вы... вы кто? — еле слышно спросила Наташа.— Почему он попросил приехать вас?..

— А мы с ним вместе учимся. В одной группе,— не поднимая глаз, ответила Алла.

Наташе хотелось заплакать, но слёз не было. Сознание её не принимало услышанное, отказывалось верить сказанному Аллой.

Не может же быть, чтобы её Саша... Саша, которого она знала с юных лет, которого ждала три года со службы на флоте... Саша, с которым они прожили вместе пять лет и никогда не ругались... Не может её Саша взять и уехать от неё ни с того ни с сего и не вернуться...

— Нет! Нет! Нет! — закричала Наташа, соскочив со скамейки.— Я не верю вам! Не верю! Скажите мне, где он? Нет! Я сама, сама сегодня поеду в Красноярск и найду его! Найду и узнаю, что то, что вы мне сказали,— неправда!

— Правда! — резко остановила её Алла, поднимаясь.— Александр мне сказал, что вы не поверите и захотите приехать к нему, поэтому и послал меня — сказать, чтобы не ездили зря!

— Нет! Нет! Нет! — кричала Наташа, не слушая её.

Она подбежала к воротам дома, и тут слёзы ручьями хлынули из её глаз.

— Вы извините,— сказала Алла.— Мне пора. Надо на электричке до Тайшетграда доехать, а там проходящим поездом обратно в Красноярск, чтобы вечером дома быть. И так целый день потеряла...

Но Наташа не слышала ни её слов, ни её удаляющих шагов. Из-под ворот выскочил пёс Дружок и запрыгал возле хозяйки.

В тот 1978 год Люба перешла в восьмой класс. А в тот летний день, когда к Наталье Степановне приезжала девушка Алла из Красноярска, Люба с мамой с утра занялись огородом: пропалывали и поливали грядки, окучивали картошку. Они сели передохнуть и попить чаю в летней кухне, когда, примерно часа в три пополудни, пришла к ним из дома напротив жена начальника станции Дмитрия Алексеевича — Марья Васильевна.

— Вы, соседи, наверное, ещё и не знаете новость? — сказала она, присаживаясь к столу.

— Сегодняшних пока не знаем,— улыбнулась ей Катерина Петровна.— Скажите — будем знать.

— Да новость невесёлая на этот раз, Катя,— вдохнула соседка.— Левчук из Бирюсы учительшу вытащил... Топиться надумала...

— Это которую учительницу-то? — спросила Катерина.

— Да Наталью...

— Наталью Степановну?! — не дав договорить соседке, выкрикнула Люба.

— Да, её,— подтвердила Марья Васильевна.— Я толком не знаю, что и как, и никто не знает. Говорят, что Левчук её вытащил из реки, откачал и скорую помощь вызвал. Увезли учительницу в больницу, в Тайшетград.

Эта новость ошеломила всю станцию Бирюсинка. В магазине, на почте, на станции, в сплавконторе несколько дней только и говорили про Александра, про обманутую им несчастную учительницу, спрашивая друг друга, как ей теперь жить и кому вообще можно верить на белом свете.

Люба с Катериной Петровной ездили к учительнице в больницу два раза за неделю, которую Наталья Степановна провела там. Люба смотрела за её домом, кормила курей и собаку, поливала грядки. А когда Наталью Степановну выписывали, она поехала её встречать, помогала нести вещи, проводила до дома. С той поры они подружились. Люба и Катерина Петровна нередко стали бывать в доме учительницы, Наталья

Степановна приходила в гости к ним. Приглашали друг друга на дни рождения и праздники; бывало, вместе ездили в Городок на Бирюсе или Тайшетград, чаще за покупками, реже — на прогулки, в кинотеатр или на концерт приехавших из Иркутска, Красноярска или Москвы артистов. Всегда, когда Люба приходила в дом своей бывшей учительницы, видела стоящий на комодке, склеенный когда-то ею бумажный, разукрашенный, на три окна, домик с крылечком и красной трубой и улыбалась.

Наверное, нельзя сказать, что Люба и Наталья Степановна сразу стали подругами в полном смысле этого слова. Дистанцию «учительница — ученица» Люба соблюдала и переступить долго не могла. Сказывалась, видимо, и разница в возрасте между бывшей ученицей и учительницей — тринадцать лет. Разница в возрасте между Катериной Петровной и Натальей Степановной была поменьше, но в этом случае не могла переступить через невидимый барьер «мать ученицы — учительница» уже Наталья Степановна. Катерина Петровна называла учительницу Натальей, Наташей и Наташенькой, а та её — по имени и отчеству. Учительница звала Любу по имени (Люба, Любава, Любавушка), но в ответ слышала неизменное: Наталья Степановна.

— Я Александру его трусости простить не смогла и, наверное, никогда не смогу, — говорила Наталья Любе и Катерине, вспоминая мужа и тот день, когда к ней приехала с известием Алла. — Он сразу упал в моих глазах... Я ведь знала его с юных лет. Он был всегда смелый, решительный, за что мне и нравился, а тут вдруг струсил, прислал эту Аллу за себя с объяснениями... Я не знаю что на меня нашло тогда, как я у реки оказалась, в воду зашла... Помню, что солнце ярко светило, дети купались, кричали, а потом только вода надо мною...

Года два Наталья Степановна жила тихо и скромно в своём доме с красной кирпичной трубой на берегу реки. По-прежнему держала курей и ухаживала за грядками. При участии мастера сплавконторы Левчука её обеспечивали дровами, а поселковая администрация заботилась, чтобы по весне её огород, как и земельные участки других учителей Бирюсинки, был вспахан.

Несколько раз соседи видели, как в ворота её дома стучался, а затем проходил в дом мастер Левчук. Примерно года за полтора до того, как расстались Наташа с Сашей, он потерял жену и один воспитывал взрослеющую дочь.

Супруга мастера сплавной конторы слегла неожиданно. Врачи выявили у неё онкологическое заболевание, и она

растаяла быстро, прямо на глазах у мужа. Из высокой, дородной, цветущей, краснолицей сорокалетней женщины за пару месяцев превратилась в худую, долговязую и некрасивую. Последние дни своей жизни она уже не вставала и не разговаривала.

Левчук сильно переживал. Сам похудел и осунулся и после похорон жены несколько месяцев сторонился общения с людьми. Ходил на работу, а в магазин за продуктами отправлял дочь или ездил на своих «Жигулях» в Городок на Бирюсе, где его мало кто знал.

Его появление возле дома учительницы и хождение к ней в гости никого не удивило в Бирюсинке. Все знали, что он всегда относился к Наталье Степановне с симпатией. Когда его дочь училась в младших классах, Левчук неизменно состоял в родительском комитете школы, первым приходил на родительские собрания, охотно отзывался на просьбы учительницы помочь школе. Многие в Бирюсинке помнили, что именно Левчук принимал самое активное участие в организации свадьбы учительницы, что именно он способствовал тому, чтобы её муж Александр пошёл на работу в сплавную контору и поступил учиться в институт, и что именно он был против того, чтобы Александру выдали заочный расчёт.

— Пусть, как мужик, приедет и смело объяснит, почему жену бросает и убегает от нас, — настаивал он в отделе кадров и перед начальником сплавконторы.

Но Александр не приехал, и денежный расчёт и документы ему в конце концов переслали в Красноярск.

Некоторое время спустя (года через два после того, как учительница осталась одна) соседи Натальи Степановны несколько раз видели возле её дома «Жигули» Левчука, в которые садилась учительница. Чаще всего легковой автомобиль брал курс от дома с красной трубой на Тайшетград, но иногда маршрут сокращался и заканчивался у начальной школы.

И никто из жителей Бирюсинки особенно не удивился, когда (ещё примерно через год) Левчук перевёз учительницу в свой дом. Конечно, некоторые посудачили об этом в магазине, на почте и на станции, но с пониманием и одобрением.

«Это было лето тысяча девятьсот восемьдесят первого года, — вспомнила Люба. — Я тогда закончила школу и собиралась поступать в медучилище».

Не удивились тогда решению Натальи Степановны выйти замуж за Левчука и Катерина Петровна с Любой.

— Всё к этому шло,— сказала Катерина Петровна дочери.— Я рада за Наташу. Левчук — мужик хороший, хозяйственный, и ему тоже несладко в жизни пришлось. С детства его знаю. Рос без отца, сам поднимался и помогал матери поднять младших брата и сестру.

С переездом Натальи к Левчуку домик с тремя окнами и красной трубой на берегу реки не остался сиротой. И хотя курей там уже не держали, летом Наталья Степановна с мужем занимались огородом и, бывало, топили баню — носили ведрами воду из Бирюсы. Зимой тоже дом не оставляли: Наталья приходила протапливать раз в неделю печку, а Левчук отгребал от ворот снег, иногда вручную лопатой, а иногда — подогнав трактор «Беларусь».

Когда уже стала студенткой и училась в университете в Красноярске, летом иногда жила в этом доме, приезжая на каникулы в Бирюсинку, дочь Левчука Марина.

Люба видела, как её бывшая учительница переживала новое счастье с новым мужем. Она, казалось, забыла предавшего её Сашу и светилась от одного воспоминания о Левчуке, когда о нём заговаривали в её присутствии. Сколько помнила Люба, все в посёлке от мала до велика звали мастера сплавконторы только по фамилии — Левчуком. Звала его так и Наталья. Это было почему-то так привычно, что ни Люба, ни Катерина Петровна даже не интересовались, как имя мастера. Левчук и Левчук. И только когда хоронили его, Люба прочла на памятнике полностью имя и отчество: Николай Дмитриевич.

Лет семь жили душа в душу Наталья Степановна и Левчук. А в конце восьмидесятых неизлечимая болезнь настигла мастера сплавконторы. Ему сделали две операции, но спасти не смогли. Рак желудка вытянул из него все его силы.

«Николай Дмитриевич умер в девяностом году, когда уже мамы не было...» — вспомнилось Любе.

После похорон мужа Наталья некоторое время ещё жила в доме Левчука, а потом вернулась в свой дом на берегу Бирюсы.

— Не могу я там...— сказала она Любе.— Всё мне о нём напоминает. Пусть Марине дом остаётся. Это правильно. Она там родилась, а у меня своя есть.

И вот тогда, когда Люба осталась одна, а Наталья потеряла мужа, они сблизились ещё теснее, и Люба впервые назвала свою бывшую учительницу Наташей и снова, как в детстве, подумала, что Наташа ей как старшая сестра.

Да, они были как сёстры и вместе переживали тяжёлое время девяностых годов: перебои с продуктами в магазинах, задержки заработной платы. И, как родные сёстры, они помогали друг другу.

А в конце девяностых неожиданно в посёлке появился Александр. Он приехал на вечерней электричке и пришёл к дому с красной трубой, когда стемнело. А утром все в Бирюсинке уже знали, что Наталья не приняла его, что он провёл ночь на станции и уехал в Красноярск утренним поездом. Но через несколько дней приехал снова и снова ждал утреннего поезда у дежурной по станции, а потом приехал ещё раз и ещё. И наконец, добившись милости, остался.

Александр устроился мастером на лесосклад. Сплавная контора в то время уже не существовала, лес сплавлять по Бирюсе перестали, но лесозаготовки продолжались, и погрузка в вагоны леса на станции шла.

Любе вернувшийся в посёлок Александр уже не казался героем и идеально-красивым. Похудевший, осунувшийся, возмужавший мужчина не был похож на того демобилизованного моряка — жениха учительницы, который в день своей свадьбы благодарно улыбался Любе, принимая её подарок. Это был совсем другой для неё человек.

Когда Люба увидела вернувшегося в Бирюсинку Александра, ей почему-то вдруг вспомнилась одна далёкая встреча на вокзале Тайшетграда поздней осенью 1978 года.

«Да, это было в ноябре. Я тогда училась в восьмом классе и ждала электричку, читала „Анатомию человека“, и ко мне подошли двое солдат. Один заговорил со мной. У него было красивое молодое лицо, добрая улыбка и такой приятный голос. Потом друг его позвал, и он ушёл, а я пошла на электричку. Уже из вагона в окно увидела, что парень вернулся в зал ожидания, но электричка уже отъезжала от перрона... И мне так тогда захотелось, чтобы она остановилась, дверь открылась и в вагон вошёл этот парень-солдат...»

Люба не знала, почему она вспомнила вдруг эту давнюю встречу на вокзале Тайшетграда, и не знала, почему она была уверена, что парень вернулся на вокзал, в зал ожидания, из-за неё и искал именно её, а не своего друга.